

Т.В. Романова

**Поэтика семантического признака
(В. Шаламов «Лиственница»)**

Предметом рассмотрения в данной статье будет образная система «Колымских тетрадей» В. Шаламова.

В первую очередь, это образ-символ *лиственницы*. Ср. название рассказа и цикла рассказов «Воскрешение лиственницы» [Шаламов, 2009, с. 315-323].

«Лиственница-дерево очень серьезное. Это – дерево познания добра и зла, – не яблоня, не березка! – дерево, стоящее в райском саду до изгнания Адамы и Евы из рая.

Лиственница – дерево Колымы, дерево концлагерей.

На Колыме не поют птицы. Цветы Колымы – яркие, торопливые, грубые – не имеют запаха. Короткое лето – в холодном, безжизненном воздухе – сухая жара и стынущий холод ночью.

На Колыме пахнет только горный шиповник – рубиновые цветы. Не пахнет ни розовый, грубо вылепленный ландыш, ни огромные, с кулак, фиалки, ни худосочный можжевельник, ни вечнозеленый стланник.

И только лиственница наполняет леса смутным своим скипидарным запахом. Сначала кажется, что это запах тленья, запах мертвецов. Но приглядишься, вдохнешь этот запах поглубже и поймешь, что это запах жизни, запах сопротивления северу, запах победы <...>.

Нет, лиственница – дерево, непригодное для романсов, об этой ветке не споешь, не сложишь романс. Здесь слово другой глубины, иной пласт человеческих чувств.

Человек посылает авиапочтой ветку колымскую: хотел напомнить не о себе. Не память о нем, но память о тех миллионах убитых, замученных, которые сложены в братские могилы к северу от Магадана.

Помочь другим заполнить, снять со своей души этот тяжелый груз: видеть такое, найти мужество не рассказать, но запомнить. Человек и его жена удочерили девочку – заключенную

девочку умершей в больнице матери – хоть в своем, личном смысле взять на себя какую-то обязанность, выполнить какой-то личный долг.

Помочь товарищам – тем, кто остался в живых после концлагерей Дальнего Севера...

Послать эту жесткую, гибкую ветку в Москву.

Посылая ветку, человек не понимал, не знал, не думал, что ветку в Москве оживят, что она, воскресшая, запахнет Колымой, зацветет на московской улице, что лиственница докажет свою силу, свое бессмертие; шестьсот лет жизни лиственницы – это практическое бессмертие человека; что люди Москвы будут трогать руками эту шершавую, неприхотливую жесткую ветку, будут глядеть на ее ослепительно зеленую хвою, ее возрождение, воскрешение, будут вдыхать ее запах – не как память о прошлом, но как живую жизнь.

Семантическая связность текста определяется функцией раскрытия, развития образа-символа, а достигается она уровнем семантических признаков. О.Г. Ревзина в своем исследовании по поэтике М. Цветаевой пишет: «Семантические признаки – это элементы смысловой структуры текста, взятые в отвлечении от способа их выражения. Семантические признаки могут передаваться денотативно и коннотативно, через внутреннюю форму, грамматические категории, синтаксические конструкции, графику, фонетику, ритмомелодику. <...> Через семантические признаки связаны едва ли не все слова в тексте, семантические признаки минуют синтаксические связи, создавая в целом пространство, очень похожее на живописное полотно. Р. Ингарден, рассматривая формирование эстетически ценных качеств в живописных произведениях искусства, пишет о том, что какое-то цветовое пятно может выступать как конструктивный элемент картины, будучи подобрано так, что может быть принято за цвет лица изображенного человека. Но это же цветовое пятно может образовывать «некоторое определенное эстетически ценное качество» вследствие ли «чистоты и насыщенности тона», вследствие ли контрастного качественного ансамбля живописного полотна [Ингарден, 1962, с. 313]. <...> Каждое слово, каждый фразеологический оборот прочитывается дважды: по своему основному значению он выступает как «конструктивный элемент»,

а по семантическим признакам – как «цветовое пятно» [Ревзина, 2009, с. 79].

Семантическая когерентность текста обусловлена отношениями изотопии, в которые вступают элементы текста. Изотопические описания накладываются на грамматически связи компонентов текста, недаром всю совокупность изотопических отношений в тексте называют «изотопической сетью» (Isotopienetz) текста.

Понятие изотопии введено в лингвистический обиход А. Греймасом [Greimas, 1966, p. 1971] и заимствовано им из естественных наук. Под изотопами (isos 'равный' + topos 'место') в науке понимаются «атомы одного и того же химического элемента, ядра которых содержат одинаковое число протонов, но разное количество нейтронов; имеют разные атомные массы, обладают одними и теми же химическими свойствами, в частности, устойчивостью и распространенностью» [Словарь иностранных слов 1989, с. 190]. Согласно А. Греймасу, изотопия присутствует там, где имеется «семная рекуррентия», т.е. семный повтор: в разных частях текста повторяются лексемы, несущие в себе одинаковые семы. В результате возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста). В основе изотопии лежит так называемое явление семантической эквивалентности (=парадигматики), наблюдаемое при сопоставлении лексических единиц языка. Сочетаясь друг с другом в тексте, слова обеспечивают его связность за счет того, что особым образом взаимодействуют их лексические значения. Коммуникативная ориентация лексических единиц предполагает определенную систему их концептуального выдвижения. Сопряжение выдвигаемых текстуально элементов в сознании читателя образует пучок связей, их узел. Эти условные звенья лексической структуры текста служат опорными смысловыми вехами в познавательной деятельности читателя.

Семантические признаки характеризуются повторяемостью, вариативностью и внутренней иерархией. «Они делятся на простые (неразложимые в пределах данного текста) и сложные (имеющие варианты, а также производные от них); интегральные (выраженные на протяжении всего текста, то есть представленные как дистанцированные повторы) и локальные; яркие (то есть хотя бы в одном случае выступающие как необходимый компонент

сигнификативного значения) и тусклые (не имеющие среди своих означающих названной формы выражения, то есть относящиеся к коннотации) [Ревзина, 2009, с. 81-82]. Инвентарь семантических признаков образа-символа *лиственница* предстает в тексте В. Шаламова в следующем виде.

Интегральные простые признаки

1. 'Дерево'.

2. Физические, тактильные, параметры: 'шершавая, неприхотливая, жесткая, гибкая (ветка)'.

Яркие локальные признаки

1. 'Не яблоня, не березка' (дерево, стоящее в райском саду до изгнания Адама и Евы из рая).

2. 'Серьезное' – Дерево, непригодное для романсов.

Тусклые локальные признаки

'иной пласт человеческих чувств' – оппозиции – 'отсутствие поэзии' (дерево, непригодное для романсов).

Интегральные сложные признаки

1. 'Серьезное дерево'.

2. 'Познание' (дерево познания добра и зла).

3. 'Жизнь'. Лиственница – символ жизни. Сема 'сила' (шестьсот лет жизни лиственницы).

Локальный тусклый признак 'цвет' – ослепительно зеленый (цвет природы, цвет жизни).

Тактильные физические характеристики; жесткая, гибкая (перенос значения на основе потенциальной семы 'сила'); неприхотливая (сема 'живучесть').

Живая жизнь (тавтологическое сочетание, усиление семы 'жизнь'); запах жизни (перенос, конкретизация абстрактного, наделения знака конвенциональным, символическим значением *лиственница* – 'жизнь').

4. 'Бессмертие'.

Оживят, воскресая, запахнет Кольмой (сема 'память'), зацветет; шестьсот лет жизни лиственницы – это практическое бессмертие человека (сема 'живучесть').

5. 'Сила'.

Живая жизнь, запах победы (метафора).

6. 'Местонахождение': дерево Кольмы, дерево концлагерей.

7. 'Запах'.

Локальные признаки: *смутный* (тусклый), *скипидарный* (тусклый), *запах тленья* (яркий), *запах мертвецов* (яркий), *запах жизни* (яркий), *запах сопротивления* (яркий), *запах победы* (яркий).

8. 'Память' (*память от тех миллионах убитых, замученных, которые сожжены в братские могилы к северу от Магадана; память о прошлом*).

Содержание основного образа-символа формируется и посредством более абстрактных, логических семантик.

1. Семантика тождества, идентификации.

Лиственница – дерево очень серьезное. Это – дерево познания добра и зла <...> Лиственница – дерево Колымы. <...> шестьсот лет жизни лиственницы – это практическое бессмертие человека. Перед нами двусоставные предложения, имеющие общее типовое значение «отношение между субъектом и его предметно представленным предикативным признаком» [Русская грамматика, 1980, с. 279], конкретным является значение идентификации («субъект с кем-чем-л. идентифицируется») и характеристики. При отсутствии дополнительных факторов – «подлежащее – тема во всех случаях предшествует сказуемому – реме [Русская грамматика, 1980, с. 279], что стимулирует понимание последнего как предикатной метафоры. Со времен А.М. Пешковского в синтаксисе бытует мнение о том, что в связочных предложениях с двумя именительными представлено «отношение постоянного тождества (вневременного тождества) того предмета, который обозначен именительным предикативным, с тем предметом, который обозначен именительным подлежащего» [Пешковский, 1938, с. 228], но при этом такие предложения принципиально обратимы, или, как это определял А.М. Пешковский, синтаксически двусмысленны, ибо никаких «чисто грамматических признаков, отличающих подлежащее от предикативного члена» [Пешковский, 1938, с. 235], установить невозможно [Арутюнова, 2007, с. 308-325]. Таким образом, в указанных конструкциях устанавливается вневременное метафорическое тождество между субъектной и предикатной частью, перед нами – обратимый троп (О.Г. Ревзина) [Ревзина, 2009, с. 78-79].

2. Семантика оппозиции; утверждения одной связи через отрицание другой связи.

Средства реализации:

– морфолого-синтаксические (междометное слово *нет*, частицы/союзы *не, но; ни, ни, не, не*; функции знаков препинания);

– лексико-морфологические (местоимения *другой, иной*);

– речевые приемы а) повтора (союзы, частицы, синтаксические структуры); б) ограничения/выделения (*И только лиственница <...>*); в) семантико-символического противопоставления: *<...> не яблоня, не береза <...>*. «Береза – власть <...>, очищение <...> наказание. <...> грусть, печаль»; «Яблоко – символ Вечности; цельности; Земли; звезды; жизни, здоровья, омоложения, вечной юности, бессмертия; ребенка, весны, начала; осени, конца, смерти; пророчества, мудрости, знания, погаенности [Жопаинский, 2002, с. 14-15, 20].

3. Семантика однородности (перечисление признаков).

4. Персонафикация: *воскрешая; докажет свою силу; обратимость пассивных-активных конструкций и значений (оживят ветку/как человека) – она (ветка) оживит память*).

5. Символизация.

«*Дерево познания добра и зла*» – фразеологизированная метафора. «*Дерево* – символ роста, лестницы к небу, 'оси Мира', небесной колонны, космической жизни; сотворения; божественного обновления; проявления воли божества, органического единства; справедливости; величественности, царственности, красоты, поэзии, знания; наказания, креста; искупления; любви, жертвенности; угрозы, ворожбы, колдовства; постоянства; надежды; благородства; мира; богатства; энергии, радости; мудрости, чести; человека; жизни духовной; здоровья; плодородия, происхождения рода, долговечности, возрождения, омоложения; жизни и смерти, победы Жизни над Смертью, воскресения <...>» [Жопаинский, 2002, с. 61].

Лиственница в тексте В. Шаламова – символ (как знак идеи) силы, бессмертия, жизни (живучести), памяти, неоднозначности добра и зла:

«*<...> резной сучок, развилка лиственницы трехлетней или трехтысячелетней-ровесницы какого-нибудь Рамзеса или Ассаргадона, – мне было не дано знать сроки, счесть годовые кольца среза. Искусной рукой кустаря был ловко уловлен какой-то единственный, уникальный естественный изгиб дерева, сражавшегося, корчась, с морозами Дальнего Севера. Изгиб пойман, сучок остановлен, срезан рукой мастера, и суть изгиба,*

*суть дерева обнажена. Под очищенной корой оказался стандарт из стандартов, вполне рыночный товар – голова Мефистофеля, наклонившаяся над бочонком, откуда вот-вот должно забить фонтаном вино. Вино, а не вода. Чудо в Кане или чудо в погребке Фауста только потому не становилось чудом, что на Колыме могла забить фонтаном **человеческая кровь**, а не спирт, – вина на Колыме не бывает, – не гейзер теплой подземной воды, лечебный источник якутского курорта Талой.*

*Вот эта опасность; выбей пробку – и потечет не вода, а кровь – и сдерживала чудотворца **Мефистофеля или Христа** – все равно» [Шаламов, 2009, с. 339-340].*

Итак, мы показали, что центральный образ-символ цикла рассказов «Воскрешение лиственницы» развивается, раскрывается через взаимодействие семантических признаков, которые вступают в отношения изотопии. Образы-символы, метафоры, в свою очередь, являются формой хранения, представления индивидуально-авторской концептосферы (картины мира).

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст]. М., 1999.
2. Ингарден, Р. Исследования по эстетике [Текст]. М., 1962.
3. Копалинский, В. Словарь символов [Текст]. / Пер. с пол. В.Н. Зорина. Калининград, 2002.
4. Ревзина, О. Г. Поэтика семантического признака [Текст]. // Ревзина, О. Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009.
5. Русская грамматика [Текст]. В 2 т. Т. 2. М., 1980.
6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст]. М., 1938.
7. Словарь иностранных слов [Текст]. М., 1989.
8. Шаламов, В. Колымские тетради [Текст]. М., 2009.
9. Greimas A.J. Sémantique structurale. Recherche de méthode [Text]. Paris, 1966.
10. Greimas A.J. Strukturele Semantik. Methodologische Untersuchungen [Text]. Braunschweig, 1971.

Н.А. Николина

Контаминация в современной художественной речи

В современной поэтической речи активизировалась такая разновидность сложения, как *контаминация*, или телескопическое словообразование. Контаминация в последнее десятилетие превратилась из периферийного словообразовательного приема в продуктивный способ словотворчества. Он основан на слиянии (вплоть до междусловного наложения) сегментов разных слов, которые подвергаются при этом сокращению. В структурном плане контаминированное производное — номинативная единица, образованная на базе объединения двух (реже более) слов, с возможными вставками морфов или интерфиксов. При этом, как правило, сохраняется акцентная структура одного из исходных слов. В семантическом плане это гибридная единица, семантика которой вбирает в себя и значения объединяемых слов, и присущие им аллюзивные смыслы, при этом уже в контаминанте развивается семантика соединения, противопоставления, оценки или сравнения, см., например:

Садись придурок на пригорок
пиши придурок пейзаж
родной деревни *Кьеркегорок* (В. Кривулин);

а в глазах их безжалостных
и не пыл и не жар и не блеск —
жалкий лоск *побежалостных*
уходящих под землю небес (О. Юрьев);

Кто она — *афреянка*? Он — *америян*?
Невероятные, — что ни случится,
выстоят, — каждый в костях не слаб (Д. Бобышев).

Частной разновидностью контаминации как способа словопроизводства, с нашей точки зрения, является междусловное наложение (термин Н.А. Янко-Триницкой) — «такое соединение двух слов в одно, в котором полностью сохраняются оба соединяющихся слова, но определенный фонемный отрезок нового слова принадлежит одновременно обоим мотивирующим частям»